

Г. А. ОРЛОВА

ОВЛАДЕТЬ ПРОСТРАНСТВОМ: ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ (1930–1960-е гг.) *

С позиций контекстуальной истории знания автор интерпретирует один из важнейших эпизодов советского географического ренессанса 30-50-х гг. — триумфальное возвращение физической географии в советскую школу, увенчавшееся формированием нового дисциплинарного канона. Выявление дискурсивных механизмов взаимосвязи обновленного знания «о пространстве и природе» и советского утопического проекта приближает к пониманию причин очевидной заинтересованности власти в возвышении физической географии. Анализ конкретно-исторической версии соотношения знания и власти опирается на реконструкцию эпистемологического и идеологического статуса географического факта и уточнение его «права на реальность». Особое внимание уделено таким стратегиям переформулирования оснований этой учебной дисциплины, как реабилитация географической специфики («восстановление прав карты и природы»), благосклонность к визуальным репрезентациям географического, аксиологизация географических фактов и превращение физического факта в политический артефакт.

16 мая 1934 г. вступило в силу Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе». Это произошло через 10 лет после исключения физической географии из учебных планов. Директива партии и правительства положила конец авангардным попыткам утилизировать знание о пространстве, природе, среде обитания человека. Реабилитация школьной географии была задумана широко: помимо восстановления ее в правах одной из основных школьных дисциплин, было решено издавать профильный журнал «География в школе», рекомендовано активизировать картографическую деятельность и начать массовый выпуск популярной географической литературы ¹. Возвращение учебной дисциплины в советскую школу проходило под знаком особого внимания к физической географии: курс был рассчитан на пять лет (элементарная география в 3–4 классах, основы земледения в 5 классе, география материков в 6 и физическая география СССР – в 7).

---

* Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннона (США), Министерством образования РФ за счет средств, предоставленных Корпорацией Кеннеди в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса), грант № КИ 226-3-03. Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе» // Правда. 16 мая 1934 г.

Что спровоцировало «особый интерес в СССР к географии»²? Каковы причины экспансии этой дисциплины в школьные курсы? И почему физической географии в середине 30-х удалось потеснить в учебных программах высоко политизированную и столь актуальную для нужд индустриализации географию экономическую? Ответы на эти и другие вопросы автор собирается искать в дискурсивных механизмах взаимосвязи обновленного знания «о пространстве и природе» и советского утопического проекта, опирающегося на стратегии символического освоения пространства и преобразования природы.

Не вызывает сомнения тот факт, что в 30-е гг. был сформулирован заказ на создание новой версии географического знания и уточнение его политического статуса. Не случайно рупор обновленной географии, журнал «География в школе», начал свою работу с идеологически маркированного напоминания: «Нельзя ни на минуту забывать, что школьная география СССР есть не только база всей нашей производственной пропаганды, но в то же время и хороший кусок этой пропаганды»³. Суть новаций состояла в том, чтобы обнаружить этот пропагандистский подтекст в самой ткани «географического». Учебные пособия, возникшие на волне контекстуального прочтения физической географии, выдержали до двадцати трех изданий и вошли в общеобразовательный канон на ближайшие 30 лет, а советский народ, заботливо охваченный географическим ликбезом⁴, вступил в полосу трепетного отношения к «науке о пространстве и природе», суть которого эпично выразил академик Л. С. Берг в книге «Достижения советской географии» (Л., 1948): «География была и есть любимейшая наука русских со времен летописца Нестора».

«Восстановление “прав” карты и природы»

Какой должна была стать география в советской школе? В 1934 г., с точки зрения власти, ей недоставало интереса к карте и хороших учебников. Те, что имелись в наличии, критиковались за «сухость изложения», «недостаточность физико-географического материала» и «перегрузку... статистически-экономическим материалом и общими схемами»⁵. Речь шла о дефиците «географического» в учебных курсах в целом и в учебных пособиях в частности. А потому следовало «повернуть в сторону географии», освободиться от живучих «анти-географических тенденций» (именно так были охарактеризованы новации предыдущих лет в этой сфере, и прежде всего – экспериментальный учебник экономической географии, выпущенный в начале 1931 г. группой ленинградских аспирантов) и «избавиться, наконец, от географического невежества».

² Баранский Н. Н. Преподавание географии в начальной и средней школе СССР. М., 1934. С. 2.

³ О преподавании географии в начальной и средней школе // География в школе. 1934. №1. С. 6.

⁴ См., например: Кушнер А. И. Тематика массовых лекций для сельских местностей по географии. М., 1939.

⁵ См.: Постановление...; Куразов Н. Ф. Методика преподавания географии. Пособие для учителей. М., 1950. С. 32.

«Антигеографические тенденции», которые назывались еще «беспространственной географией», выражались в доминировании экономики и истории над собственно географическими фактами, темами, интерпретациями и образами. Извлечь из-под спуда обществоведения географическую фактуру означало реконструировать науку об одухотворенном пространстве («признать географию вместе с пространством, природой, волей»). В этом свете возвращение к географии должно было стать решительным «восстановлением “прав” карты и природы»⁶. И карта, и природа, наглядно представленная в географических картинах, фотографиях, фильмах, таблицах, макетах, столь внезапно понадобившихся советской школе в середине 30-х, обретают особое значение на фоне обостренного интереса к пространству и формам его освоения.

«Упор на карту» советские географы и педагоги восприняли как «основную директиву ЦК по преподаванию географии»⁷, что привело к существенной реорганизации учебного материала в пользу его визуальных репрезентаций и превратило работу с картой в каркас методики преподавания географии («карта есть альфа и омега географии»⁸). Поворот от текстоцентричности и статистики к наглядности, от экономической географии – к физической поставил перед советскими методистами ряд неожиданных проблем: от формирования перцептивных навыков, позволяющих учащемуся, скажем, совмещать физико-географический образ и обществоведческие знания⁹, до картографической эстетики.

Серьезная эстетическая озабоченность составляла ядро полемики о «выразительности» и «художественности» учебных пособий и карт, развернувшейся в 1934–1936 гг. на страницах журнала «География в школе». При этом качество формируемого образа было поставлено в зависимость от качества изображения: «На незавидном уровне находится и внешний вид школьных карт: грубые шрифты, мутные, некрасивые краски... Ведь именно в учебных картах вопрос о том, что показано, слишком сильно зависит от того, как показано»¹⁰. Можно предположить, что именно возможность работать с образом реальности, управлять процессом его конструирования делала географическую наглядность столь привлекательной.

Карта позволяла перевести знания в столь желанный в своей убедительности визуальный формат, совместив схему и образ. Географические закономерности становились доступными взору и истолковывались как «закономерности размещения в пространстве». Опираясь на визуализированными очевидностями, карта превращалась в инструмент географического упорядочивания и объяснения фактов. Для того чтобы дать географическую интерпретацию яв-

⁶ О преподавании географии... С. 5.

⁷ Упор на карту – основная директива ЦК по преподаванию географии // География в школе. 1934. №1. С.10.

⁸ Там же.

⁹ Поплавский В. Как научить ребят показывать страны и области на физической карте? // География в школе. 1934. №1. С. 96.

¹⁰ Чему обязывает Постановление о преподавании географии в школе // География в школе. 1934. №2. С. 6.

ления, его было необходимо прежде всего нанести на карту, а затем выявить пространственную закономерность его размещения¹¹. Этот алгоритм позволял овладеть объектом посредством его изображения/обзора, а в дальнейшем давал возможность узаконить как статус изображенного, так и манипуляции с ним.

Поскольку карта становилась инструментом структурирования реальности, особое значение обретали угол зрения и идеологический подтекст картографической генерализации. Естественно, что Большой Советский атлас мира (решение об его издании было принято 17 декабря 1933 г.) должен был впервые дать «подлинную картину мира на основе марксистско-ленинского анализа»¹². При этом подлинность оказывалась производной от обобщающего и отбирающего визуальные факты взгляда, объективность которого была подтверждена идеологически непротиворечивым знанием. Перед создателями атласа стояла задача, соотносимая с масштабными целями советского проекта: не только «показать закономерности размещения и взаимосвязи основных предметов и явлений природы в масштабе планеты»¹³, но и представить советскую версию реальности (особо подчеркивалось, что большая часть карт, включенных в Атлас, была составлена заново). Прежде всего речь шла о выработке новой картографической оптики, поскольку капиталистический взгляд, искаженный империалистическими и колонизаторскими амбициями, был дисквалифицирован в своем праве дать объективную картину мира: «В любом атласе, изданном в капиталистических странах, империалистическая экспансия открыто прокламируется, она находит яркое отражение в создании отдельных карт атласа»¹⁴.

После «Постановления...» 1934 г. к знанию карты стали предъявлять особые требования. При всей абстрактности географической карты ее нужно было освоить, обжить, овладеть искусством мгновенной ориентации и перемещения. Двойственность такого овладения пространством заключалась в специфике фокусировки: знаток карты, обозревая пространство в целом, был лишен возможности ознакомиться с ним в деталях, поскольку карты, масштаб которых не превышал 10 км, оставались секретными. А в приграничных местностях бдительным учителям рекомендовалось избегать не только картографирования, но и заданий на составление словесного описания своей местности¹⁵. Контролируемая географическая дальнзоркость определяла заведомую условность пространственных образов, которыми оперировал изучающий географию. Обобщенное пространство, воспринимаемое как предметная данность, было открыто для дискурсивных манипуляций и отвечало требованиям утопического проекта, чувствительного к объективациям абстракции в наглядных образах.

¹¹ Упор на карту – основная директива ЦК... С. 13.

¹² *Кутафьев С.* Большой Советский атлас мира // География в школе. 1935. №3. С. 68.

¹³ *Салищев К. А.* Географические атласы (история, принципы, методы создания). М., 1955. С. 12.

¹⁴ *Кутафьев.* Большой Советский атлас мира... С. 68.

¹⁵ *Загарин П.* Бдительность учителя географии // География в школе. 1937. №6. С. 78.

Советская карта, объективность которой освящена авторитетом самой передовой в мире науки, должна была отразить (и отражала) преобразование природы под натиском советского человека¹⁶. Она становилась связующим звеном между макро- и микромиром, позволяя оперировать масштабом грандиозного. Это был не только «необходимый посредник между крайне ограниченным в охвате своего непосредственного наблюдения человеком и громадным по своим размерам объектом географического исследования – земным шаром»¹⁷. Это был посредник между новым человеком и «громадьем планов», захватывающей перспективой преобразования природы. Когда карта превращалась в план (а именно так ее должно было воспринимать согласно методическим рекомендациям), советский человек обретал соразмерность планетарному размаху прожекта.

Рассказывая и показывая, как *будет* преобразована природа, география предлагала окрашенную авторитетом науки версию поэтического прозрения «Здесь будет город-сад». Она становилась наукой «великих мечтателей» именно потому, что была способна «материализовать» желаемое, дать возможность увидеть будущее. И это ее ценное качество всячески подчеркивалось: «Учителя рассказывают учащимся о первой советской приливной электростанции, сооружаемой на побережье Кольского полуострова, о том, как с помощью энергии, поступающей из космоса, можно утеплить Охотское побережье... Итак, пусть дети на уроках географии заглядывают в наше светлое завтра. Это пробуждает в них желание самим активно участвовать в строительстве новой жизни»¹⁸. Футурологический рассказ учителя был важен, однако именно картографическое овладение пространством, почти не ведающее временных ограничений, помогало преуспеть в этом начинании.

Физическая география позволяла утопии приблизиться к реальности, поиск которой, по мысли К. Манхейма, содержится в самой идее утопического¹⁹. Наглядные, но в меру обобщенные образы пространства, которыми оперировала физическая география, обладали исключительным ресурсом достоверности и, кроме того, позволяли устранить темпоральные ограничения, к которым столь чувствителен утопический проект.

Действительно, преимущество карты над текстом оценивалось прежде всего как темпоральное преимущество: «Карта дает сразу, при обзоре ее одним взглядом, то есть совершенно одновременно то, что в описании окажется растянуто на большое число страниц»²⁰. Отрицающее различие времен изображение позволяло не только синхронизировать процесс восприятия, но и снять различие между задуманным и осуществленным. Карты пятилеток, рекомендованные к включению в школьные учебники и контурные карты, показывали действующие, строящиеся и только запланированные объекты как рядопо-

¹⁶ См., например: Михайлов Н. Н. Над картой Родины. М., 1954; Гвоздицкий Н. А. Сорок лет исследований и открытий. М., 1957.

¹⁷ Упор на карту – основная директива ЦК... С. 14.

¹⁸ Максимов Н. А. География в 5 классе. Пособие для учителя. М., 1969. С. 6.

¹⁹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 86.

²⁰ Упор на карту – основная директива ЦК... С. 13.

нилища, недостроенные станции, дороги etc. Пространство ловко подменялось его скорректированной схемой, выведенной из-под власти времени. А если вспомнить «приблизительные» изображения объектов стратегического значения или «умолчание» о них, смещения координатной сетки и другие картографические иллюзии, становится очевидным, что карта не столько воспроизводила реальность, сколько ее производила.

И советский человек, обученный в школе обращению с картой, получал возможность творить свою маленькую реальность, согласующуюся с большой реальностью огромной страны. Тем более что самостоятельное изготовление карт всячески поощрялось. Так, в 1938 г. в заслугу одному из учителей-ударников было поставлено проведение уроков у нарисованной на доске карты, которая каждый раз заполнялась самим учителем или его учениками. Здесь хочется обратиться к воспоминаниям неизвестного автора о временах корейской войны, сброшенным в Интернет и случайно попавшим мне под руку. Отец мемуариста, как и подобает советскому человеку, пристально следил за международной обстановкой. Военные сводки он переносил на карту, где красными флажками каждое утро отмечал линию северо-корейского фронта, превращая политинформацию в предметную данность. Четырнадцатилетний автор, тайком слушавший радио «Свобода», на основе альтернативной информации подверг деконструкции отцовскую карту. Синие флажки взломали не столько конкретный геополитический образ, сколько стоящую за ним концепцию реальности и подвергли сомнению формирующую этот образ мира идеологию.

Пространство воображения

Географическая карта позволяла создать обобщенный и условный образ пространства, которому, с точки зрения советского наблюдателя, недоставало эмоциональной насыщенности и жизненных красок²². Вдохнуть в схему жизнь можно было, лишь двигаясь по пути аксиологизации условно решенного картографического пространства, возвращая ему предметность и поэзию чувственного образа. Точный язык карт требовалось обогатить языком поэтическим. Реформаторами школьной географии были извлечены из забытья «Мысли о географии для детского возраста» – записка, составленная Н. В. Гоголем в 1829 г.: «Велика и поразительна область географии. Край, где кипит юг, и каждое творенье бьется двойною жизнью, и край, где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп; исполины-горы, парящие в небе, небрежно дышащий всюю роскошью растительной силы и разнообразия вид, и раскаленные пустыни и степи... – где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению... И не больно ли, если показывают им вместо всего этого какой-то безжизненный сухой скелет?»²³

²² Барков А. С. О классных картинах по географии // География в школе. 1934. №1. С. 37.

²³ Цит. по: Семенов-Тянь-Шанский В. А. Памяти Гоголя, первого глашатая у нас правильных идей школьной географии // География в школе. 1934. №1. С. 19.

Романтическая концепция природы – динамичной, выразительной, контрастной, неистовой – оказалась более соразмерной советской героике 30-х, чем рациональный слог учебников предыдущей эпохи. Современникам освоения Советской Арктики предшествующая традиция природоописания казалась непростительно сухой, механистичной, формализованной. Теперь же географической плотью должны были стать яркие и выразительные образы природы, придающие пространству человекомерность.

Не исключено, что именно потребность в наглядных видах пространства/природы позволила смягчить жесткое отношение к пейзажу как органически чуждому пролетарской культуре жанру, сформировавшееся на волне революционного авангарда. В начале 30-х природный ландшафт начал конкурировать с индустриальным пейзажем за право представлять советскую действительность. Так, журнал «Искусство в массы» в 1930 г. писал почти по Гоголю: «Побольше пейзажа... Пора признать, что пейзаж, даже и без обязательного включения в него трактора или заводской трубы, может быть динамичным и современным... Простор моря, мощь тайги, грозное величие снеговой вершины, вихревое облако не менее действенны, не менее насыщены желанием борьбы и творчества, чем доменная печь или ротационная машина»²⁴. Образ одухотворенной природы позволял конструировать советское пространство поверх производства и экономики, на уровне естества, сверяя его с активно формирующейся на этом этапе идентичностью «советский человек», подчеркивая органическую связь между человеком и страной, в свою очередь задающую ориентиры идентификации.

В начале 30-х вопрос об изображениях природы для учебных целей стоял остро: в ситуации визуального дефицита в ход шли пейзажи, фотографии, диапозитивы, схемы, фильмы, самодельные картины и макеты. Однако далеко не всякий образ природы был пригоден для проекта школьной географии. Изображение должно было иметь собственно географическую специфику. Именно ее ожидали от географических картин – тематических наглядных пособий, централизованно изготовленных для каждого учебного курса. Географическая картина не просто создавала «зрительный образ страны»²⁵ или же была художественной проекцией приоритетных черт советского характера на ландшафт: ее отличие от рядового пейзажа заключалось в достоверности и одновременно типичности изображения, почти документального в своей правдивости. В этом качестве географические картины (и кинофильмы)²⁶ противопоставлялись как художественным пейзажам, так и зарубежным/ до-революционным изображениям и кинофильмам, которые «нельзя было называть географическими, то есть глубоко и объективно раскрывающими главное содержание пейзажа, связь его с трудом и деятельностью человека»²⁷.

²⁴ Кузьмин Е. Побольше пейзажа // Искусство в массы. 1930. №10–11. С. 18.

²⁵ Барков. О классных картинах... С. 37. См. также: Поляков В. О географических картинах «СССР по зонам» // География в школе. 1935. №3. С. 71–74; Половинкин А. Иллюстрирование раздела «Работа внешних сил» // География в школе. 1936. №2. С. 67–83.

²⁶ Учебная киносериал «По нашей Родине» стала выходить с 1946 г.

²⁷ Нечаева М. Пейзаж в видовом кино // Искусство кино. 1950. №2. С. 18.

Поиски главного содержания пейзажа велись на пути создания типического визуального образа ландшафта, условно адекватного многообразию природных видов и поясняющему идеологическую ценность данного типа ландшафта. Подмосковная березовая роща, гладь Ладоги, высокогорные пастбища Кавказа – похоже, это были те самые конкретные образы, при помощи которых, по словам С. Лема, утопия излагала свою теорию бытия. Типический образ одновременно гарантировал достоверность картинки и позволял организовать восприятие пространства, акцентируя те из его структурных элементов, на которые была возложена основная семантическая нагрузка.

В 1935–1938 гг. в печати велись оживленные дискуссии о том, каким должен быть этот типический образ. Резкой критике подверглись картины-энциклопедии, оперирующие всем многообразием географических объектов одновременно, и, прежде всего, «универсальные картины» Гирта или Шрейбера «Основные формы земной поверхности», где разом была изображена серия географических объектов – от извергающегося вулкана до моря, от реки с истоком и устьем до плато – наглядно, но неправдоподобно. Художник должен был учиться видеть универсальное через частное, и такое видение возобладало к концу 1937 г., когда были утверждены типовые географические картины для начальной и средней школы. Однако выпуск серии географических картин «СССР по зонам» начался уже в 1933 г., а сама серия всячески рекламировалась в специальной периодике²⁸. В серию вошли 8 выпусков (по числу зон). Полярная зона, например, была представлена четырьмя картинами 72×100 см: «Северное Полярное море», «Радиостанция на Новой Земле», «Зверобойный промысел», «Великий Северный морской путь». К картинам прилагалось развернутое описание, которое должно было не только расставить географические акценты, но и закрепить выразительные образы.

Оперируя картой и картиной, схемой и образом, физическая география получала возможность эмулировать пространство, создавать его семантического двойника. Этот мыслимый/воображаемый мир советской географии легко поддавался пространственным манипуляциям: его можно было «преодолеть», в него можно было «переноситься». Визуальные техники освоения пространства высоко оценивались и как методический прием: «Географические картины и диапозитивы дают возможность преподавателю географии “преодолеть пространство”, и не только мысленно, но и зрительными впечатлениями перенести учащихся к изучаемому географическому явлению»²⁹.

Этот навык воображаемых путешествий был чрезвычайно важен для советского человека, поскольку для него, ограниченного в перемещениях, пространство оставалось главным образом пространством воображения. Он по карте вычерчивал курсы полярных экспедиций, читал увлекательные рассказы о дальних странах, экзотических морях, отважных путешественниках. Сам он, конечно, мог вступить в ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий), поехать на дальнюю стройку, принудительно обживать Сибирь или

²⁸ Поляков. О географических картинах...

²⁹ Загарин П. Диапозитивы в преподавании географии // География в школе. 1936. № 4. С. 93.

же совершенно добровольно совершить путешествие по родному краю, но главной формой пространственных перемещений оставалось «как бы путешествие».

Одна из инструкций к таким путешествиям содержится в пособии для юных краеведов: «Разумеется, путешествовать можно не только на самолете. Интересно путешествовать на всех видах транспорта и даже передвигаться пешком – при этом способе путешествия удастся наблюдать то, что легко пропустить с самолета. Избрав маршрут путешествия (а еще лучше, несколько маршрутов по числу членов географического или краеведческого кружка), отправляйтесь странствовать. “Путешественник” рассказывает, где он проходит, пролетает или проезжает, описывает местность, растения, животных, которые ему встречаются на пути, описывает города, села, жизнь населения – одним словом, все, что он “видит”, – а остальные проверяют правильность рассказа»³⁰.

Дело здесь не столько в компенсаторном характере воображаемого путешествия, дающего путешественнику полную свободу перемещения, сколько в навязывании особого типа восприятия пространства, когда видеть и знать означает одно и то же. Восприятие пространства оказывается многократно опосредованным: «видеть» такому путешественнику позволяет багаж имеющихся у него знаний, которые он объективирует и уточняет, обращаясь к визуальным опорам (картам, картинам). Скажем иначе – ментальный путешественник может увидеть только то, что ему известно (в противном случае он не выдержит проверки на правильность). Этот зыбкий мир, возникающий на пересечении знания и видения, «рационального размышления» и «наглядного изображения», кажется одновременно реальным и воображаемым, обрстая реальностью в сознании того, кто знает и видит.

Физическая география, оперируя наглядным, визуальным материалом, все же формировала приоритет знания над видением; нуждаясь в чувственной конкретике образа, она, тем не менее, неизменно подвергала его обобщению и типизации, что еще раз подтверждало достоверность обретенного знания. Такой способ структурирования географического знания позволял не замечать условности воображаемого мира, наделять статусом реального всякую конструкцию, включающую в себя визуальные репрезентации природного пространства. Подобно Буратино, тот, кто принимал картинку за реальность, получал шанс обнаружить нечто чрезвычайно важное – подлинную реальность, которую маркирует/маскирует изображение. Советская физическая география была призвана снять дистанцию между реальным миром и миром воображаемым, превращая достоверное физико-географическое пространство в мир воображения.

Идеологическая коррекция курса

Как показал опыт, одного лишь «восстановления “прав” карты и природы» для исправления дефектов школьной географии было недостаточно. Формов-

³⁰ Гниловской В. Г. Занимательное краеведение. Ставрополь, 1954. С. 72.

ка образов и географическая сборка реальности нуждались в идеологическом интонировании. Удивительным, однако, является не то, что это интонирование имело место, а тот факт, что в середине 30-х тотальная политизация школьной и вузовской географии была расценена как левацкое извращение и решительно отвергнута.

Например, учебник С. Л. Варжанского и Д. Л. Синицкого «География капиталистических стран» (1932 г.) подвергся обструкции за отказ от дисциплинарного тезауруса и подмену географического знания обществоведением. Сомнительным показался тот факт, что «страны рассматриваются не в географическом порядке по частям света, а по делению Коминтерна»³¹. Такой подход разрушал самое ценное в географическом знании – присущую ему естественно-научную фактуру и, следовательно, его право на «природную» достоверность.

Как быть с классовой борьбой? Каким должен быть язык географического описания капиталистических стран? Перед создателями учебников географии стояла куда более деликатная задача, нежели просто перенести в эту дисциплину элементы обществоведения: «Классовая политическая борьба в жизни капиталистических стран играет крупнейшую роль, она должна найти себе место и в географии, но нельзя же в элементарных школьных учебниках географии все сводить к одной голой политике, излагаемой по одному шаблону газетным стилем»³². Стало очевидно, что подменять географический рассказ о США или Италии историями о ведущей роли американской компартии или о деятельности итальянских комсомольцев-подпольщиков теперь недопустимо. Особый гнев Баранского вызвали сопровождающие текст «политические» фотографии, на которых были изображены «столкновение полиции с рабочими демонстрантами, контраст жизни больших городов, рост милитаризма». Картинка была признана не соответствующей учебной дисциплине и не отражающей географической специфики материала: «Где же тут “географическая специфика”? И при чем тут география?»³³ Наглядный географический образ должен был быть приведен в соответствие с идеологемами пространства/природы.

Сложность задачи состояла в том, чтобы создать идеологически корректную конфигурацию собственно физико-географического знания и максимально полно использовать политический ресурс географической интерпретации. Естественно, что без дозированного введения элементов обществоведения было не обойтись. Наиболее политизированными в школьных учебниках 30–60-х оказались начальные и заключительные темы курса – введение, географическое положение, государственная граница, население и политическая карта. Инъекции обществоведения имели дополнительную риторическую маркировку, а потому выделялись из собственно географического материала, образуя особый уровень текста. Формулы исключительного статуса СССР перемежались в нем с известными всему миру именами советских вождей, ре-

³¹ Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии 1876–1934 гг. М., 1954. С. 410.

³² Там же.

³³ Баранский. Исторический обзор... С. 409.

читатив миссии Октября – с декларациями общенародного счастья. Вместе взятые, они задавали идеологическую рамку внутридисциплинарного прочтения и позволяли не только структурировать учебный материал внутри дисциплины, но и интегрировать его в систему советского знания.

Скудость риторического набора и его монотонное воспроизведение различными авторами указывают на идеологические функции базовых мотивов, которые были разбросаны по учебным темам курса весьма неравномерно. Скажем, в курсе физической географии для 5 класса наибольшая нагрузка пришлась на темы, формирующие картину мира учащегося и его представления о способах освоения природы человеком³⁴.

Куда больший интерес представляет опосредованная политизация школьной географии. В этом случае географическая фактура сохранялась, но наделялась дополнительными идеологическими коннотациями. Например, целостность территории СССР, противопоставляемая территориально разрозненной Англии с колониями, интерпретировалась как объективный показатель дружбы народов. И если у Семенова-Тян-Шанского³⁵ этот факт еще представлен как идеологически нейтральный («наибольшее среди государств со сплошной территорией»), то позднее у Чефранова, Строева etc. сплошная территория и политическая спайка советских народов отождествляются. Дальше всех по этому пути идет Н. Ф. Куразов, рассматривающий политическую карту СССР как семейный портрет братских республик: «Один вид географической карты, изображающей братское содружество национальных республик, уже многое говорит о характере разрешенной национальной проблемы в СССР»³⁶.

Характерный «комментарий издательства» к учебному пособию Семенова-Тян-Шанского «Суша и моря СССР» указывает на приоритеты власти в области физической географии. На автора посыпались упреки в «отрыве физико-географических характеристик от социалистического хозяйства..., меняющего физико-географический облик природы»³⁷. Его журили за то, что «географическая номенклатура игнорирует границу двух миров, двух систем». Наконец,

³⁴ Речь идет о таких темах, как географическое положение и границы, описание оболочек Земли, характеристика природных зон и природопользования. На каждую из них приходилось от одной до трех-четырёх опорных риторических конструкций, несущих идеологическую нагрузку и образующих контур позитивной географии. Продуктивнее всего было бы подвергнуть тексты учебников формальному анализу с целью выявления основных мотивов. Арктическая зона представлена *героико-исследовательскими клише*: «В советской части Северного Ледовитого океана, несмотря на тяжелые условия, происходит непрерывная работа по изучению этого сурового уголка земного шара». Тундра – *цивилизаторскими клише*. Тайга – *природоохранными конструктами*: «В нашей стране принимаются все меры к охране пушного зверя», «В СССР приняты строжайшие меры по охране лесов». Степи – *агрономическими клише*: «Такой громадной полосы чернозема нет больше нигде на земном шаре», «Наибольшие площади степи занимают в СССР. Имеются они и в Северной Америке, и в Африке». Пустыни и полупустыни – *мелиоративными клише*. Идея географического первенства и преобразования географии в Стране Советов являются сквозными мотивами всего учебника географии, по ходу знакомства с которым пятиклассник узнает, что он живет в самой большой стране, где больше всего рек и чернозема, лучше всего охраняются леса и успешнее всего борются с болотами.

³⁵ Семенов-Тян-Шанский В. А. Суша и моря СССР. Пособие для учителя. М., 1937.

³⁶ Куразов. Методика преподавания географии... С. 41.

³⁷ Семенов-Тян-Шанский. Суша и моря СССР... С. 3.

рецензентам показалось, что «автор недостаточно осветил работы по исследованию советской территории, в частности Арктики».

Сквозь эту критику проступают очертания идеологического желания власти. Физико-географический факт должен лишиться идеологически нейтрального статуса, образуя этакого кентавра с фактом социально-экономическим/политическим: «Наша великая родина – СССР – первая в мире страна социализма, занимает восточную половину Европы и северную треть Азии»³⁸. При этом идеологические конструкты «наша великая Родина», «первая в мире страна социализма» и конструкт географического положения отождествляются. В результате физико-географическая характеристика наделяется идеологическим значением, а собственно идеологические конструкты получают ранг физических объектов, становясь такой же предметной данностью, как «южные горы» и «северные моря».

Образ покоренной природы рассматривается как авторитетное свидетельство творческой мощи советского народа. Он должен занять подобающее место в школьном учебнике. Укрощенная горная река, овраг, с которым в СССР ведется упорная борьба, море, таящее в себе народные рыбные ресурсы, вечная мерзлота, на которой теперь строятся города и поселки, – все это кирпичики, из которых создается другая география. Географический факт становится трансформером, на глазах изменяющим свои параметры под воздействием человека, а традиционные географические характеристики стремительно теряют смысл во времени быстрых преобразований.

Так, фельетонист «Крокодила», путешествующий по Голодной степи, задается сугубо географическим вопросом: «Что же, наконец, следует понимать под пустыней?»³⁹ Свой ответ московскому корреспонденту дали комсомольцы-добровольцы: «Пустыня для нас – это горы хлопка – раз. Табуны лошадей, отары овец – два. Составы с яблоками, грушами, урюком, дынями, виноградом – три»⁴⁰. Преображенный ландшафт, скорректированная природная зона дают представление о реальности, где идея преобразовывает естество, а человек создает новую природу. Мир становится рукотворным и обжитым.

Физическая география использовалась для объективации политической границы капиталистического и социалистического миров, придания ей тем самым статуса естественного, природного факта, бесспорного в своей очевидности. Право физической географии на манипуляции с «реальным» и ее способность наделять реальностью все, что попадает в поле предметного интереса, оказывается чрезвычайно привлекательным для идеологических целей. Поэтому столь велика забота о корректном выборе географической номенклатуры (например, Великая русская равнина вместо равнины Восточно-европейской, Великий Северно-морской путь и т. п.), использование которой станет далеко не единственной тактикой географического конструирования двоемирия (Советский сектор Арктики, Советская Прибалтика).

Ну и, наконец, в структуру школьного географического знания должно бы-

³⁸ Чефранов С. В. География СССР. 7 кл. М., 1952. С. 3.

³⁹ Шатров С. Похороны пустыни // Крокодил. 1949. №9. С. 3.

⁴⁰ Там же.

ло войти описание героической деятельности советского человека, преобразующего и покоряющего природу. А эмблемой покорения пространства для советской культуры 30-х стало освоение Арктики. В дальнейшем ни один учебник не обходился без описаний подвига челюскинцев, героических будней полярников на дрейфующих ледовых станциях, беспримерных перелетов советских летчиков. Учащиеся должны были пройти «путь мужества» вместе с покорителями Арктики – правда, всего лишь на контурных картах, вычерчивая маршрут «Сибирякова» (1932 г.) и «Челюскина» (1933), дрейф папанинской льдины⁴¹. Присутствие героя провоцировало на поэтическое олицетворение природы, и школьная география порастала мифом.

Мажорная география

У пособия Семенова-Тян-Шанского была еще одна примечательная особенность, не попавшая в поле зрения комментаторов. От последующих учебников его отличала общая риторика дефективности: и вечная мерзлота мешает хозяйствованию, и большая часть морей СССР не имеет свободного выхода в Атлантический и Тихий океаны, и южная половина Союза бедна реками, которые маловодны, «а иногда даже солоноваты», и болот в Сибири много, и «главным бичом северных лесов являются пожары»⁴². Выдерживая эту интонацию, учебник продолжил дореволюционную традицию природоописания, которую можно условно назвать «минорной географией», когда природа страны рассматривалась как сплошной географический изъян и сумма неудобств.

В 30–50-е гг. формируется новая стратегия позитивно-героического описания физико-географических реалий. Исключительность, красота, разнообразие, изобилие, героизм, первенство – основные координаты оптимистической, мажорной географии. Если речь и шла о «географических дефектах» или ограничениях, налагаемых природными условиями, то они описывались как временные «неудобства» или «трудности», сокрушаемые волевым усилием политического агента: «У наших рек есть некоторые неудобства (текут на север)..., но Советское правительство в значительной мере исправило этот недостаток»⁴³. Природа оказывалась пространством героического творчества, а потому описания сурового климата советского Севера соседствовали в учебниках с рассказами о том, как снимают урожай дынь на Сахалине и выращивают цитрусовые на Чукотке. На позитивную географию работала даже такая, казалось бы, безнадежная данность, как вечная мерзлота. Авторы учебников использовали символический ресурс конструкта, противопоставляя долготелю природы вечность человеческого творения: «За годы советской власти на севере и востоке нашей страны построены сотни городов и поселков. Многие из них стоят на многолетней мерзлоте, стоят прочно, на века»⁴⁴.

⁴¹ Горошенко В. П., Павлов М. Я. Сборник задач и упражнений по географии СССР. М., 1954. С. 9.

⁴² Семенов-Тян-Шанский. Суша и моря СССР...

⁴³ Барков А. С., Половинкин А. А. Физическая география. 5 кл. 17-е изд. М., 1953. С. 48.

⁴⁴ Максимов Н. А. Физическая география. 5 кл. М., 1969. С. 117.

Сочетание грандиозного эпического и задушевного лирического модусов создавало центральный мифопоэтический образ школьной географии – образ Родины: «Да можно ли не любить ее, можно ли не быть навеки преданным России, великой советской стране? Подобно богатырю раскинулась наша Родина на двух материках земного шара, упираясь одним плечом в берега Тихого океана, а другим – в берега туманной Балтики...»⁴⁵. Тема Родины была заново открыта в 30-е: ранее на патриотической теме лежала тень старого режима. Конструкты «Родина» и «Отечество» апеллировали к дореволюционному прошлому. Реабилитация физической географии позволила выразить советское отношение к Родине и оказала серьезное влияние на формирование такой реалии, как советское пространство. «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...» – это географический образ, помещенный в систему идеологических координат, одно из оснований советской идентичности.

Новая география отказалась от старой аксиологической шкалы, позволяющей разместить географические факты в континууме «обыденное – экзотическое» или «отсталое – развитое», в пользу новой системы координат, где точкой отсчета стал масштаб: «Высокие горы, обширные равнины, по огромным пространствам текут многоводные реки, большие площади лесов, громадные залежи всех известных в мире полезных ископаемых»⁴⁶. Монументальность, эпически поданная как проявление величия, позволила оценивать природу родной страны в категориях важнейшего и исключительного.

И конечно, гарантом исключительности и неоспоримым доказательством

⁴⁵ Кондратьев Б. А., Смирнов С. А. Уроки географии СССР в 7 кл. М., 1965. С. 6.

⁴⁶ Строев К. Ф. Физическая география СССР. 7 кл. М., 1957. С. 3.

нашего первенства была территория: «Остальные государства, даже самые большие, в 2–2,5 раза меньше СССР»⁴⁷. Количественное сравнение становилось универсальным способом измерения символической значимости географического объекта, а географическая картина мира обретала строгую иерархию. Административные единицы сравнивались с европейскими странами: Камчатка равна по территории трем Франциям, а самый маленький район Ставрополя – Хабезский – превосходит площадь Андорры, Лихтенштейна и Монако⁴⁸. Этот ряд достойно замыкает сравнение территории отдельных наших совхозов с Бельгией⁴⁹. В пользу совхозов. Двойное сравнение региона – с европейскими странами и с территорией всего СССР – позволяло окончательно определиться со статусом географического объекта.

С осознания размерности СССР, физико-географического факта, включенного в систему координат, определяющих советскую идентичность, начинался школьный курс географии. В рабочей тетради учащимся прежде всего предлагалось обвести границы СССР красным карандашом и вычертить диаграммы площади всей суши СССР и Англии с колониями⁵⁰. Введение в физическую географию, открывавшееся обзором географического положения СССР, становилось введением в основы советского патриотизма: «Уже только беглого знакомства достаточно, чтобы убедиться в величии нашей Родины»⁵¹. Это подтверждают методические рекомендации: «Учитель отмечает, что мы горды сознанием, что нашей Родиной является СССР». Осознание географических преимуществ стало испытанным средством «формирования осознанной любви к нашей советской Родине»⁵².

Географические аргументы в пользу патриотизма включали подробный перечень артефактов физико-географической исключительности: «Нигде, ни в одном государстве мира нет в земных недрах столько нефти, железа, марганца, золота, калия... Нигде нет такой обширной и плодородной черноземной степи, как у нас. Океан колосьев раскинулся от Карпат до Алтая. И нигде нет столько ценного леса... Океан хвой... Наш Байкал – самое глубокое, а наш Каспий – самое большое озеро в мире... У нас самый большой в мире долинный ледник – ледник Федченко»⁵³. Реестр географических рекордов СССР подтверждал безусловное превосходство страны, превосходство, определяемое самой природой. Это был тот самый случай, когда географический факт, в своей очевидности более красноречивый, чем любая агитка, приобретал политическое значение и превращался в идеологический артефакт: в пользу первого в мире государства рабочих и крестьян высказывается сама природа.

Сквозь призму мажорной географии родная страна виделась особой реаль-

⁴⁷ Чефранов. География СССР... С. 3.

⁴⁸ Гниловской. Занимательное краеведение. С. 30–31.

⁴⁹ Упор на карту – основная директива ЦК... С. 15.

⁵⁰ Ефимов П. П. Рабочая тетрадь по географии. М., 1931.

⁵¹ Максимов. География в 5 классе. Пособие... С. 63.

⁵² Туркина О. Воспитание патриотизма и интернационализма в преподавании географии. М., 1967. С. 6.

⁵³ Кондратьев, Смирнов. Уроки географии СССР... С. 9.

ностью, вобравшей в себя многообразие целого мира. «Занимательное краеведение» В. Г. Гниловского доказывало это самым занимательным образом. В руки юных краеведов попал загадочный путевой дневник неизвестной экспедиции. По законам жанра, записи частично утрачены, частично испорчены. По ходу расшифровки выяснилось, что экспедиция прошла горы и прерии, солончаки и заросли сахарного тростника, видела кочующие озера и птичьи базары, собирала для гербария орхидеи, продиралась сквозь лианы дикого винограда и осматривала мандариновые рощи, обнаружила позвонки жирафа и череп тапира. Где пролегал ее маршрут? Школьники терялись в догадках. «Ваня настаивал, что путешествие проходило в Африке, Костя Певцов горячо доказывал, что Ваня ошибается: в Африке нет тапиров, а ведь зоологи добыли череп тапира. Лина Сорокина предполагала, что путешественники были где-то в южном полушарии... Другие, соглашаясь с ней, говорили, что путешественники попали на какой-то еще неизвестный остров вблизи Антарктиды»⁵⁴. Разгадка стала для краеведов полной неожиданностью: экзотика всех частей света была обнаружена в родном Ставропольском крае.

Если один из регионов оказался столь многолик, что уж тогда говорить о целой стране, которая вобрала в себя все природные ландшафты земного шара, все многообразие физико-географических условий и все элементы таблицы Менделеева. Собственно, это была даже не страна, а целый мир – мир социализма, о чем не забывали напоминать юным географам старшие: «На земле много стран. Но наша страна не похожа ни на одну их них. СССР – первое в мире социалистическое государство»⁵⁵.

Поэзия насилия

Вторая линия позитивно-географического конструирования может быть названа героической. Она выстраивалась вокруг хтонического образа непокорной и разрушительной природы (стихии), противопоставленной человекомерному образу Родины. Собственно географический факт сам по себе был лишен отчетливо выраженного ценностного измерения. Это измерение возникало в ходе инсталляции физико-географических реалий в один из режимов природоописания (одна и та же река могла быть описана в конструктах родного/любимого и в конструктах опасного/непокорного).

Описания родины и природы тяготеют к противоположным этическим полюсам. Неподконтрольная человеку стихия таит зло: «Почти все реки нашей страны имеют недостаток... чтобы *избавиться от этого зла*, на реках строят плотины...»⁵⁶. В противоположность Родине, природа рассматривается как нечто чуждое, а потому в ее описаниях нет-нет, да и прорывается наиболее характерная для советского дискурса риторика отчуждения – политическая. Например, в интервью академика Е. Федорова журналу «Искусство кино» стихия рассматривается как враг, что определяет выбор санкций в отношении

⁵⁴ Гниловской. Занимательное краеведение... С. 89.

⁵⁵ Кондратьев, Смирнов. Уроки географии СССР... С. 6.

⁵⁶ Максимов. География в 5 классе. Пособие... С. 51.

нее: «У нас очень грозные противники: суховеи, самумы, смерчи. Есть и менее опасные. Одних врагов нужно уничтожать, других – перевоспитывать»⁵⁷.

Собственно, в школьном географическом дискурсе природа до ее преобразования, как правило, рассматривается как начало, враждебное человеку: тундра неприветлива, тайга – сурова, климат – капризен. Ее надлежит покорять и использовать, не скрывая при этом агрессии и утилитаризма: «Овладев природой, мы добьемся от нее изобилия во всех районах нашей страны»⁵⁸. Послевоенные учебники богато иллюстрируют сюжет «Покоренные стихии на службе у человека»: человек давно заставил ветер служить себе; вершины покоряются альпинистам; ветер и вода добывают для человека электричество; недра открывают геологам свои богатства; управляя стоком рек, человек регулирует климат; океан тоже служит; земля плодоносит вопреки климатическим условиям и свойствам почв.

Сочетание простодушного прагматизма и ликования хозяина стихий образуют удивительный сплав, своего рода магический утилитаризм. Его венцом, бесспорно, является великий/гениальный сталинский план преобразования природы, опубликованный в октябре 1948 г. и вошедший во все учебники географии как «грандиозный план наступления на засуху»⁵⁹. Militarистское отношение преобразователей к врагу-природе отражал плакат «И засуху победим!», изображавший генералиссимуса над картой-планом. В узком смысле план подразумевал «мероприятия по устройству полезащитных лесонасаждений, внедрению травопольных севооборотов, строительству прудов и водоемов»⁶⁰. В более широком – это был ультиматум, предъявленный утопией природе.

Провозглашенная еще Максимом Горьким идея создания «второй природы» мыслилась как титаническое разумное преобразование природы первой: «Соединенный с волей пролетариата-диктатора, разум осушает болота, добывая из них топливо, орошает засушливые степи, изменяя течение рек... он режет дорогами непроходимые горы, побеждает вечные льды Арктики, соединяет моря каналами, он изменяет физическую географию огромной страны социалистических республик»⁶¹. В противоборстве с разумом и несгибаемой волей советского человека природа должна была лишиться главного атрибута зла – стихийности. Подчиняясь разумной директиве, планированию, расчету, она должна быть выведена за пределы натурального. Процесс преобразования природного ландшафта в культурный был доведен до радикальной степени преобразования – наделения природы антропными качествами. Убежденный марксист-ленинец Ю. Жданов писал об этом так: «Социалистический строй, как это и предвидел Маркс, позволяет на основе познания законов природы и общественного развития рационально регулировать взаимоотношения

⁵⁷ Федоров Е. Тайны климата? Скоро их не будет// Искусство кино. 1959. №10. С. 128.

⁵⁸ Чефранов. География СССР... С. 45.

⁵⁹ Там же. С. 44.

⁶⁰ Мудрый преобразователь природы// Советский Союз. 1953. №4. С. 22.

⁶¹ Бороздинов Н. Юный географ. Организация работы по географии в пионерской дружине. Л., 1949. С. 12.

природы и человека, планомерно создавать новую, очеловеченную природу»⁶². «Очеловеченность» в данном случае мыслится как внесение в природу рационального порядка. Теперь уже не только пространство, но и природа («новая природа», как и «новое пространство») оказываются своего рода производной от рациональных практик упорядочивания реальности, от суммы знаний об этой реальности.

Однако преобразование природы приводит не только к ее рациональному преобразованию, но и к обнаружению героического «я» советского человека: «Никакие трудности: ни вьюги, ни сильные морозы и трескающиеся льдины – не останавливают смелых советских людей... Даже ранее неприступный Северный Ледовитый океан побежден теперь героическим трудом нашего народа, вдохновляемого коммунистической партией»⁶³. Это разумная героика, возникающая по мере описания непреодолимых преград и препятствий: «География... воспитывает в человеке *дерзание смелое, но разумное* – в его *борьбе со стихийными силами природы*»⁶⁴. Противостояние суровой, враждебной, непокорной природы и советского человека опирается на идеологическую оппозицию стихийного/сознательного⁶⁵.

Два мира, две географии

Сравнение, бесспорно, было универсальной стратегией структурирования материала в советском учебнике географии. Все сравнивалось со всем: рыбные ресурсы Ньюфаундленда – с богатством Каспия, советская Арктика – с иностранной, уровень загрязнения рек промышленными отходами «у них» – с чистотой вод «у нас», современный научный подход к метеоритам, упавшим на территорию СССР, – с дореволюционным. Советские горы, Памир, сравниваются с Альпами – естественно, не в пользу последних: «Семенову-Тян-Шанскому вспомнились озера и вершины Швейцарии, но рядом с тем, что он видел теперь, все виденное ранее казалось мелким»⁶⁶. Небеспристрастный взгляд усматривал качественную асимметрию сопоставляемых географических объектов, а небеспристрастная система классификации позволяла ее узаконить. Альпы были так же ничтожны на фоне Памира, как мелкобуржуазный стиль европейской жизни не выдерживал сравнения с масштабом советской героики. Антагонизм географических объектов, открытый взору советского наблюдателя, был обусловлен их принадлежностью к разным социальным реальностям, но обыгрывался как антагонизм «натуральный». Географическая интерпретация покоилась на идеологическом лукавстве.

Советская школьная география была неиссякаемым источником противо-

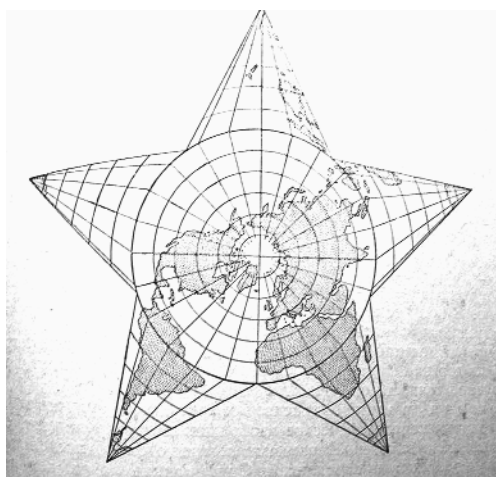
⁶² Жданов Ю. А. Воздействие человека на природные процессы. М., 1952. С. 34.

⁶³ Заславский И. И., Герасимова Т. П. Физическая география. 5 кл. 10-е изд. М., 1964. С. 6.

⁶⁴ Бороздинов. Юный географ. Организация работы... С.4.

⁶⁵ Подробнее о структурирующем для советской реальности значении оппозиции стихийное/сознательное см.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 23–30.

⁶⁶ Чифранов С. В., Юзефович Е. Ф. Хрестоматия по физической географии. 4 изд. М., 1954. С. 12.

Мировая карта в звездообразной проекции

поставлений, в которых под физико-географической фактурой просвечивало политическое нутро. Столь ценное качество учебной дисциплины неоднократно отмечали наши методисты: «География позволяет сравнивать советскую страну с буржуазными странами и показывать преимущества социалистического строя»⁶⁷. Однако идеологическая привлекательность географии объясняется не столько возможностью контрастного сравнения, которая сама по себе универсальна, сколько его достоверностью и наглядностью, о чем и писал один из инициаторов внеклассных географических занятий

Н. Бороздинов: «География конкретно и образно раскрывает картину двух миров, двух систем – капитализма и социализма...»⁶⁸. Главное же – физическая география, соединяющая в своем предметном интересе описание Земли с ее характеристикой как среды обитания человека, без труда позволяла помещать естественно-научные (физико-географические) факты в идеологический контекст, и наоборот. Объективируя природные, естественные различия между политическими системами, она становилась мощным ресурсом конструирования двоемира. При этом школьная география задействовала идеологический арсенал советского политического дискурса: миры социализма и капитализма противостояли друг другу в пространстве (СССР – Запад) и во времени (сейчас – до революции).

Достоверность разделения миров подтверждает граница между ними. Поэтому интерпретация государственных границ обрела особое значение. Естественные границы между странами наделялись амбивалентным статусом: с дружественными странами они объединяли, а с враждебными – разделяли, конвертируя политическую дистанцию в физически осязаемое расстояние: «Между СССР и Японией расположено Японское море, а на крайнем северо-востоке Берингов пролив *отделяет* нашу территорию от владений США»⁶⁹. Разделяющий пролив, с точки зрения идеологии, был куда корректнее «незаметно переходящей» морской границы.

Теперь становится понятной досада комментаторов от идеологии, вызванная наивным неведением Семенова-Тан-Шанского о наличии непреодолимой грани между двумя мирами, грани, которая должна была получить физико-географическое подтверждение, но... так его и не получила: «К востоку за

⁶⁷ Куразов. Методика преподавания географии... С.40.

⁶⁸ Бороздинов. Юный географ. Организация работы... С. 4.

⁶⁹ Строев. Физическая география СССР... С. 8.

Беринговым проливом Чукотское море *незаметно переходит* в открытое море Бофора, омывающее с севера американский полуостров Аляску»⁷⁰. В советском учебно-географическом дискурсе просто не существует такого факта, как «снежно-ледяные пустыни на евразийских и североамериканских островах». Существует советский сектор Арктики, который рассматривается в отрыве от иных территорий. Политическая инаковость определяет логику географического описания и выбор номенклатуры⁷¹.

Фиксация тотального отчуждения на уровне ландшафта дополняется историческим и экологическим отчуждением. Так, история географических открытий подверглась идеологической экспансии на волне борьбы с космополитизмом⁷². Образ русского землепроходца был противопоставлен западно-европейскому путешественнику: «В то время, когда западноевропейцы завоевывали и изучали, главным образом, теплые страны, русские открыли и описали всю Северную Азию»⁷³. Контраст агрессивно-экспериментаторских действий европейцев и пионерского гуманизма россиян продолжает скрытое ранжирование географических открытий. Аморфные «теплые страны» в сравнении со «всей Северной Азией» выглядят легкомысленным курортом, а путешественники, открывшие континенты, – столь же легкомысленными туристами.

Путешественники – и западные, и отечественные – рассматриваются прежде всего как политические агенты. Братья Лаптевы, отправившиеся в море за моржовым клыком, называются русскими патриотами и героями, а иностранцы – завоевателями и лазутчиками: «Что касается западноевропейских путешественников, то, как правило, они выступали в качестве разведчиков»⁷⁴. Вражеским лазутчикам не может быть места в советском пространстве, даже если это пространство географической номенклатуры. В тех случаях, когда географические названия отсылают к иноземцам, они остаются без коммен-

⁷⁰ Семенов-Тянь-Шанский. Суша и моря СССР... С. 33.

⁷¹ Между тем географический ресурс пространственной убедительности мог использоваться как для того, чтобы обрисовать расщепленный надвое мир (и тогда речь будет идти о границе, пропасти), так и для того, чтобы доказать его целостность (и тогда нужно говорить о переходах или отсутствии границ). Так, на волне мимолетного сближения СССР и США между окончанием Второй мировой и началом холодной войны журнал «Америка» поместил любопытную статью самого молодого доктора философии Руты Грубер «Соседство в Арктике». Здесь география рассматривалась в качестве антитезы политике. Автор писала о том, что непреодолимая граница между политическими укладами преодолевается природой, которая не знает разрывов, и людьми, которые живут в этой природе: «Полоса воды в 5 % километра между островами Диомиды – это все, что отделяет Америку от Азии... Эта полоса – свободный переход между Западным и Восточным полушариями, между политическими укладами двух стран... Жители обоих островов – эскимосы. Они говорят на одном языке, ездят друг к другу в гости, чтобы поплясать, сходить в кино, они вступают между собою в брак, но одни присягают звездам и полосам, а другие – серпу и молоту». См.: Грубер Р. Соседство в Арктике // Америка. 1946. №7. С. 2.

⁷² См.: Бондаревский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1948; Бирик А. Изучение заслуг русских путешественников. М., 1952; Ефимова А. А. Отечественные путешественники. М., 1954.

⁷³ Барков, Половинкин. Физическая география... С. 4.

⁷⁴ Бороздинов. Юный географ. Организация работы... С. 11.

тариив. Так, в конце 40-х из учебника географии исчезает биографическая справка о голландце Баренце, «мореплавателе, первом исследователе Баренцева моря».

Магеллан относится к числу тех иностранцев, о которых географу умолчать невозможно. Зато его можно сравнить с русским путешественником. Сопоставление путешествия Магеллана с кругосветкой Крузенштерна – обязательный элемент учебника географии 40–50-х гг. Его можно рассматривать в качестве эталона бинарного конструирования реальности, опирающегося на ресурсы истории географических открытий ⁷⁵.

Экологическая критика – еще одна возможность подчеркнуть преимущество социалистической системы на примере отношения к природным и людским ресурсам. Неразумному отношению к природе за рубежом противопоставляется плановое и научно обоснованное советское природопользование: «В капиталистических странах, где земля не принадлежит народу, природа используется хищнически» ⁷⁶. В характеристике стратегий природопользования еще раз отождествляются два антимира – дореволюционный и современный капиталистический: «В США, например, леса хищнически вырубаются... Так было и в царской России» ⁷⁷. Сопоставление природных ресурсов позволяет выявить принципиальную витальную асимметрию двух миров. Разумному поведению советского человека противопоставляются действия неразумного существа, хищника. А советскому изобилию и процветанию противопоставляются стагнация и упадок Запада. Это территория вырождающегося человека, вымирающих видов и исчерпанных ресурсов: «В морях, у берегов капиталистических стран, где охота производится без строгого соблюдения правил, мало осталось ценных морских животных. В наших морях строго выполняются установленные правила лова и промысла... Количество ценных промысловых животных в морях, омывающих СССР, не убывает, а увеличивается» ⁷⁸. Ту же логику можно обнаружить в противопоставлении муравейника большой народной стройки в социалистической Румынии и унылого запустения и безлюдных послевоенных развалин в капиталистической Италии, в контрастах Восточного и Западного Берлина, в сопоставлении российских и американских городов: «Но различий больше, чем сходства. Капиталистические города Сент-Пол и Миннеаполис давно прекратили свой рост, и хозяйство их при-

⁷⁵ Суммарная картина контрастов, составленная из базовых учебных текстов, может быть представлена следующим образом: а) цель путешествия: Магеллан преследовал завоевательские цели и их не достиг, а русские мореплаватели ставили перед собой мирные (научные и торговые) цели, которые были реализованы; б) ход путешествия и отношения с командой: путь Магеллана был тяжелым, а отношения с командой – сложными («Из-за тяжелых условий плавания на кораблях постоянно вспыхивали бунты, которые Магеллан жестоко подавлял»), у Крузенштерна же все остались живы, а внимание и предусмотрительность начальства уберегли команду от болезней; в) итог путешествия: для Магеллана – плачевен, он пытался вмешаться во внутреннюю войну на Филиппинах и был убит), а для русских моряков – почетен и благоприятен; г) оценка: первая кругосветная экспедиция, по мнению авторов учебников, всего лишь «обогастила науку о Земле», зато русская кругосветка «имела огромное научное значение».

⁷⁶ *Челпанов*. География СССР... С. 44.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Заславский, Герасимова*. Физическая география... С. 65.

ходит в упадок, а социалистический Ставрополь, как и все другие города нашей Родины, с каждым днем расцветает и хорошеет»⁷⁹.

Возможности географии позволяли продемонстрировать участь капиталистического мира – исчезновение – посредством сугубо физико-географических образов. Для этого можно было прибегнуть к прогнозам: дать футурологическое описание исчезновения Ниагарского водопада в течение ближайших нескольких сотен тысяч лет на фоне богатства советских водных ресурсов, как это сделали Барков и Половинкин⁸⁰. Можно было исключить иноземную территорию из географического нарратива, отождествив умолчание и небытие. Тогда описание берегов Черного моря в курсе «География частей света» будет ограничено только «своей» территорией: «С севера в него выступает Крымский полуостров»⁸¹. Однако самым эффективным приемом будет возвращение риторической конструкции предметной наглядности, натуральности. Так, например, журнал «География в школе» в разделе «Географические новости» как-то разместил две заметки – одну за другой. Сначала он сообщил о том, что на Азовском море возник новый полуостров. А потом под заголовком «Исчезнувший остров» сообщил о казусе, произошедшем с одним из американских текстильных трестов, купившим у японцев парочку островов вулканического происхождения, которые перестали существовать, куда шло оформление документов⁸².

* * *

Под взглядом идеологически подкованного наблюдателя физический мир обретал исключительную пластичность. Вырабатывая устойчивые способы транскрибирования физических фактов в политические артефакты, школьная физическая география вносила свой вклад в радикальное преобразование физической реальности, ее идеологическую формовку и в «очеловечивание природы». Советская утопия овладевала пространством в сознании школьника, застывшего перед необъятной картой Родины, старательно наносящего на свою контурную карту будущие плотины или же совершающего в своем воображении кругосветные путешествия по 45-й параллели.

⁷⁹ Гниловский. Занимательное краеведение... С. 66.

⁸⁰ Барков, Половинкин. Физическая география... С. 45.

⁸¹ Счастнев К. Н., Терехов П. Г. География частей света. 6 кл. М., 1955. С. 71.

⁸² Географические новости// География в школе. 1936. №2. С. 130.